

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА АПЕЛЛЯЦИИ

А. В. Петров,

доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права, Южно-Уральский государственный университет

А. В. Кудрявцева,

доктор юридических наук, профессор, судья, Челябинский областной суд

Статья посвящена вопросам становления и развития института обжалования и пересмотра судебных решений, не вступивших в законную силу, в России – со времен Русской Правды до наших дней. Развитие этого института прослежено под углом зрения влияния западного законодательства, в основном Франции и Германии, на становление и развитие апелляции и кассации в России. Особое внимание уделено регулированию этого вопроса в Уставе уголовного судопроизводства 1864 года. Прослежены преемственность постсоветского законодательства с этим законодательным актом, а также влияние советского законодательства, регулирующего кассационное производство, на современное законодательство и судебную практику апелляционного производства в современной России.

Ключевые слова: институт апелляции, кассация, судебная практика.

Институт обжалования решений судов был известен еще в период Римской республики (с конца VI века до н.э.). Право требовать пересмотра приговора принадлежало каждому римскому гражданину, причем даже не имеющему отношение к этому конкретному делу. Данное обстоятельство было продиктовано общегражданским правом наблюдения за действиями чиновников и сообщения народу об их злоупотреблениях¹.

Любой римский гражданин до момента исполнения приговора имел право остановить его своим словом: «*provoco!*» (обжалую (лат.)). Тогда дело поступало в народное собрание, и чиновник, постановивший решение, должен был его защищать и отстаивать посредством проведения поединка с жалобщиком.

Однако уже в императорский период (середина I века до н.э. – конец V века н.э.) круг субъектов, наделенных правом апелляционного обжалования, сокращается. Право требовать апелляционного пересмотра стало принадлежать лишь сторонам по делу. Лицо, желающее обжаловать приговор, должно было в течение определенного срока выразить свое недовольство словесно или письменно. Параллельно с этим апелляционное разбирательство дела перестает быть особым спором между лицом, недовольным решением, и судьей,

становясь продолжением спора сторон².

Возникнув в Древнем Риме, институт апелляционного обжалования продолжил свое существование путем рецепции римского права и получил свое дальнейшее развитие в судопроизводстве европейских стран.

Процедура апелляционного обжалования приговора в странах Западной Европы в период варварских Правд, вплоть до XIII века, заключалась в том, что стороны, не согласные с вынесенным приговором, предлагали свой собственный приговор, и тогда поединок решал, кто прав. Поединок проводился, как и в республиканский период Рима, не между сторонами, а между лицом, недовольным решением, и постановившим его судьей. Победенный в поединке подлежал смерти, а его противник получал значительное возмещение. Однако поединок не разрешался приговоренному к смерти, так как ему было нечего терять.

Начиная с XIII века поединок как средство обжалования в странах Западной Европы сходит со сцены. Теперь лицо, желающее обжаловать приговор, должно было подать просьбу о пересмотре дела в вышестоящий суд, который по результатам рассмотрения дела постановлял свое решение³.

Институт пересмотра судебных решений в России известен еще со времен Русской

Правды. Так, С. В. Юшков указывал: «Исследователи без всяких колебаний считают, что в Киевском государстве не существовало апелляционных или кассационных инстанций. Во всяком случае Русская Правда не содержит никаких постановлений о вторичном рассмотрении дела по жалобе недовольной стороны. Но это не означает, что князья не принимали жалобы на действия своих судей – посадников и волостелей, разбирая жалобы этого рода, князь вынужден был пересматривать дело заново, по существу»⁴.

Большинство ученых-исследователей⁵ этого периода утверждают, что впервые в российском законодательстве упоминание об обжаловании появляется в тексте Новгородской судной грамоты⁶. Судопроизводство в Новгородской Республике было основано на разделении подсудности между княжескими и общинно-вечевыми органами суда. Такое построение судебной власти дает основание говорить о зарождении инстанционности судопроизводства, что и послужило предпосылкой возникновения института обжалования⁷. Так, А. Куницын пишет: «Хотя в Новгороде существовали многие верхние Суды, но кажется, что право уничтожить решения нижних судов принадлежало только Вечу по делам мирским и Новгородскому Архиепископу по делам духовного ведомства. Посадники в областях Новгородских зависели от Веча, а тиуны составляли с ними одно лицо. Вече, усмотрев неправду в суде областного Посадника или служебного князя, которому даны были пригороды и волости в кормление, сменяло их с согласия В. Князя»⁸.

Необходимо отметить, что в Судебнике 1497 года, который был посвящен в основном организации центрального и местного управления (ст. 1–3, 15–19, 21–24) и суда (ст. 37–45, 64, 67), содержал в себе множество норм уголовного (ст. 8–11) и уголовно-процессуального права⁹. Самостоятельных органов, выполняющих исключительно судебные функции, в то время не было; нормой считалось объединение в одном лице власти судебной и административной. С. И. Штамм, характеризуя судебную систему того времени, в работе, посвященной Судебнику 1497 года, высказывает противоположную позицию: «Судебник 1497 года установил единую систему судебных органов... их подконтрольность и полную подотчетность великому князю, подчиненность нижестоящих органов вышестоящим»¹⁰. С установлением определенной судебной вла-

сти провозглашалось и право на передачу дел из нижестоящих судебных органов в вышестоящие. Такая передача осуществлялась в двух формах, уже известных из Новгородской судной грамоты: по представлению самих судей путем «доклада» либо по жалобам на приговор или решение местного судьи путем «пересуда». Доклад представлял собой передачу дела в вышестоящий суд в случаях, когда местные судьи были не уполномочены или не могли вынести решение¹¹. Наместники или волостели по таким делам обязаны были произвести судебные-следственные действия, собрать все доказательства, а затем судные списки (протоколы) без постановления приговора передать вышестоящему судье, т.е. доклад заключался в передаче дела для вынесения решения, а не для пересмотра. И. Я. Фойницкий характеризовал «доклад» как разделение следствия и суда, а не разделение инстанций¹².

В литературе верно отмечается, что «доклад» нельзя считать формой обжалования судебного решения, так как нижестоящий суд сам не принимал решения, а выдавал правовую грамоту (судебное решение) лишь после доклада, на основании решения вышестоящего суда¹³. Кроме того инициатором рассмотрения дела в вышестоящем суде являлись не стороны, а сам суд.

Так называемый «пересуд» был формой пересмотра решений судов более близкой к современному пониманию апелляции. Пересуд осуществлялся по желанию сторон и допускался не по всем делам («а меньше рубля пересуда нет... с холопа и с земли пересуда нет»), и только в случае, если сторона подвергнет сомнению судный список («а список обложивит кто») и если дело решалось полем («а с поля со всякого пересуд») ¹⁴.

Порядок судопроизводства в Соборном уложении 1649 года устанавливался главой X «О суде»¹⁵. Однако институты обжалования не претерпели серьезных изменений по сравнению с Судебником.

Сохранялся ревизионный порядок пересмотра в форме доклада (гл. X ст. 2) от областных судей в приказы, от приказов в Боярскую думу и к государю, а также сохранялась возможность принесения жалоб на судью, неверно решившего дело (гл. X ст. 7, 9). Сдерживающим фактором, ограничивающим распространение обжалования, являлось установление определенного наказания для жалобщика, не сумевшего доказать свою право-

ту: проигравшей стороне грозило и уголовное наказание, и имущественная ответственность (гл. X ст. 14)¹⁶. В литературе верно отмечается, что такое правило являлось хорошим заслоном от сутяг, однако истину доказать было сложно, и судебные ошибки оставались зачастую неисправленными¹⁷.

Система судоустройства в гражданских (общеуголовных) судах в период правления Петра I возглавлялась Сенатом, который являлся высшей судебной-апелляционной инстанцией, рассматривавшей все жалобы на решения коллегий, созданных взамен упраздненных приказов; решение Сената в свою очередь не обжаловалось. Сенату подчинялась Юстиц-коллегия, ведавшая местными судами, для которых она являлась апелляционной инстанцией по уголовным и гражданским делам. Генеральный кригсрехт был апелляционной инстанцией для проверки решений по гражданским делам; по уголовным делам приговор утверждало высшее воинское начальство, апелляционное обжалование не допускалось (III. гл. 1 ст. 5)¹⁸. В системе церковных судов высшей инстанцией выступал Синод¹⁹.

В петровский период сущность пересмотра дел в апелляции состояла в том, что суд основывал свое решение на письменных материалах дела. Новые доказательства и дополнительные материалы были запрещены, поскольку судопроизводство считалось окончательным решением суда первой инстанции, и поэтому решение суда первой инстанции при возможной апелляции, насколько, однако, от этого не теряло своей силы.

В законодательстве периода правления Екатерины II система обжалования регулировалась Указами 1762 и 1764 гг. Стороны, недовольные решением, в течение недели после оглашения приговора должны были письменно заявить суду о намерении обжаловать решение в вышестоящую инстанцию. Для подачи жалобы был установлен годичный срок. Апелляция допускалась по всем уголовным делам, которые возбуждались по жалобам потерпевших. Для остальных уголовных дел был предусмотрен ревизионный порядок пересмотра – дело поступало в высшую инстанцию не по жалобе, а на основании закона. «Учреждение о губерниях» (1775 г.) дополняло указанный порядок требованием внесения залога – деньги вносились в суд, и, если вышестоящая инстанция хоть в чем-то изменила решение, залог возвращался, в противном

случае удерживался как штраф за рассмотрение дела в вышестоящей инстанции. В литературе отмечается, что в целом суд апелляционной инстанции в указанный период получает «настоящее значение проверки первого суда и утрачивает старинный характер тяжбы с судьей»²⁰.

На протяжении исторического развития России состав суда апелляционной инстанции при рассмотрении уголовных дел не оставался неизменным. Так, в соответствии со ст. 56 Уставом уголовного судопроизводства 1864 года (далее – УУС) рассмотрение уголовных дел в апелляционном порядке осуществлялось съездами мировых судей, состоящими не менее чем из трех судей округа.

УУС предусматривал четыре вида пересмотра судебных решений: частное обжалование, апелляция, кассация и возобновление уголовных дел.

Частное обжалование являлось формой проверки промежуточных судебных решений. Так, М. В. Духовской выделял следующие виды частных жалоб: а) требующие немедленного исправления (о мерах пресечения, об обеспечении иска, о неправильном исполнении решения); б) не имеющие отношения к существу дела (взыскание за неявку свидетеля); в) приостанавливающие или тормозящие дело (промедление, отказ в принятии жалобы)²¹.

Незначительные уголовные дела рассматривались мировыми судьями; для рассмотрения иных дел, выходящих за рамки компетенции мировых судей, создавались общие судебные места, в которые входили окружные суды и судебные палаты. Все решения мировых судей, а также решения окружных судов, принятые без участия присяжных заседателей, признавались неокончательными и подлежали по жалобе пересмотру по существу в апелляционном порядке.

Понятия «окончательные» и «неокончательные» судебные приговоры являлись согласно УУС не вступившими в законную силу судебными решениями с той лишь разницей, что неокончательными судебные решения считались в отношении вопросов факта, и поэтому подлежали только апелляционному пересмотру. Окончательными же признавались судебные решения, которые проверялись только по правовым вопросам в кассационном порядке, фактическая сторона дела не ставилась под сомнение, она была окончательно решенной²². Согласно ст. 853 УУС против

всех приговоров, постановленных окружным судом без участия присяжных заседателей, допускаются отзывы подсудимых, частных обвинителей и гражданских истцов, равно как и протесты лиц прокурорского надзора. В соответствии со ст. 854 УУС приговоры, постановленные окружным судом с участием присяжных, и все приговоры судебной палаты считаются окончательными. Окончательные приговоры могут быть отменены в кассационном порядке по жалобам участвующих в деле лиц.

Разбирательство в апелляционных судах (мировых съездах и судебных палатах) осуществлялось коллегиально, устно и гласно, в порядке, установленном для судов первой инстанции, за изъятиями и дополнениями, установленными ст. 879–892 УУС.

После революции УПК РСФСР 1922 и 1923 гг. не предусматривали институт апелляционного обжалования, отдав предпочтение кассационному порядку с «чертами апелляции».

Введение апелляционного порядка пересмотра судебных решений в постсоветское время осуществлялось поэтапно, и основными ориентирами для этого являлись историко-правовые источники в виде Устава уголовного судопроизводства, а также Концепция судебной реформы 1991 года, международно-правовые документы, в первую очередь Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 года, опыт Франции, Германии, США, Великобритании.

В соответствии с Концепцией судебной реформы 1991 года, утвержденной Постановлением Верховного Совета РСФСР от 24 октября 1991 г., предполагалось создать четырехзвенную федеральную судебную систему, включающую мировые суды, федеральные районные суды, федеральные окружные суды (не совпадающие с административно-территориальным делением) и Верховный Суд РФ. Параллельную систему местных (республиканских) судов планировалось связывать с Верховным Судом РФ через окружные суды. Апелляционный порядок пересмотра уголовных дел планировалось создать на уровне районного суда, который в составе трех профессиональных судей должен был пересматривать судебные решения мировых судей. Федеральный окружной суд в составе трех профессиональных судей пересматривал бы решения районного суда, постановленные судьей единолично²³.

До принятия Федерального закона № 433-ФЗ от 29 декабря 2010 г. апелляционный порядок пересмотра судебных решений действовал только в отношении решений мировых судей, и введению такого порядка рассмотрения уголовных дел в российское уголовно-процессуальное законодательство 7 августа 2000 г. предшествовала ратификация Российской Федерацией Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 30 марта 1998 г.

В своем первоначальном виде Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 года не содержала права осужденного на пересмотр осуждения или приговора вышестоящим судом²⁴. Данный пробел восполнил Протокол № 7, который был принят 22 ноября 1984 г., а также Протокол № 11, принятый 11 мая 1994 г. Последним ст. 2 Протокола № 7 получила следующее название: «Право на апелляцию по уголовным делам»²⁵. Чаще всего в русском переводе это право звучит как право на обжалование приговора по уголовным делам в суд второй инстанции, причем следует отметить, что в самом международно-правовом документе не уточняется, что это должен быть обязательно апелляционный порядок.

До принятия Федерального закона № 433-ФЗ от 29 декабря 2010 г. существовало две формы пересмотра решений, не вступивших в законную силу: кассация и апелляция, причем апелляционный порядок действовал для решений, принимаемых мировыми судьями по уголовным делам, за которые наказание не может превышать трех лет лишения свободы. Складывалась парадоксальная ситуация, в соответствии с которой по преступлениям, не обладающим большой степенью общественной опасности, был возможен пересмотр решений, не вступивших в законную силу, последовательно в апелляции и кассации, в отношении же преступлений средней тяжести, тяжких и особо тяжких возможен был только кассационный пересмотр решений.

Исторически основное отличие так называемой «чистой» кассации от апелляции заключается в основаниях и процедуре пересмотра решений. Кассационная инстанция могла рассматривать приговоры и иные решения только: 1) в случае явного нарушения прямого смысла закона и неправильного его толкования при определении преступления и рода наказания; 2) в случае нарушения обрядов и форм столь существенных, что без со-

блюдения их невозможно признать приговор в силу судебного решения; 3) в случае нарушения пределов ведомства или власти, законом предоставленной судебному установлению (ст. 854, 855, 912 УУС)²⁶. Другими словами, кассационная инстанция могла отменить или изменить приговор только по вопросам права. Апелляция, в отличие от кассации, пересматривает дело и по фактическим и по юридическим основаниям, в том числе и в силу несправедливости приговора. Если кассационная инстанция довольствуется изучением письменных материалов дела, то апелляционная инстанция вправе по собственной инициативе или по ходатайству сторон исследовать те доказательства, которые исследовались судом первой инстанции, а также дополнительные (новые) доказательства, т.е. те, которые не были непосредственно исследованы судом первой инстанции.

Однако советская кассация, правопреемником которой стал институт кассационного производства, регулируемый УПК РФ, несла в себе черты апелляции и традиционно именовалась «смешанной». Одной из черт апелляции, которая была воспринята советской кассацией, являлась возможность пересмотра судебных решений не только по юридическим, но и по фактическим основаниям (в определенных пределах), а также возможность непосредственного исследования доказательств, предусмотренная первоначально ч. 4 ст. 377 УПК РФ, согласно которой при рассмотрении уголовного дела в кассационном порядке суд вправе по ходатайству стороны непосредственно исследовать доказательства в соответствии с гл. 37 УПК РФ. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 декабря 2008 г. № 28 «О применении норм уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в судах апелляционной и кассационной инстанций» несколько «смягчило» излишнюю прямолинейность этой нормы, указав, что «применительно к ч. 4 ст. 377 УПК РФ под исследованием доказательств судом кассационной инстанции следует понимать проверку имеющихся в уголовном деле доказательств, исследованных судом первой инстанции». В связи с этим суд кассационной инстанции не вправе проводить допрос свидетелей, назначать судебные экспертизы и т.п. Другими словами, исследование и проверка доказательств судом кассационной инстанции сводятся к исследованию доказательств путем изучения пись-

менных материалов уголовного дела. Дополнительные материалы могут быть представлены в кассационную инстанцию только для подтверждения или опровержения кассационных оснований, но они не могут расцениваться судом кассационной инстанции как сведения, подтверждающие или опровергающие обстоятельства дела, установленные ст. 73 УПК РФ. Кроме того, дополнительные материалы, представленные в кассационную инстанцию не могут быть получены следственным путем.

Развитие кассации в постсоветский период характеризуется тем, что на основе решений Европейского Суда по правам человека, а также решений Конституционного Суда РФ кассационное производство приобретает в большей степени апелляционные черты. В частности, было признано: 1) возможным ухудшение положение осужденного путем изменения режима отбывания наказания на более строгий; 2) право осужденного, заключенного под стражу, на участие в судебном заседании²⁷; 3) обеспечение участие защитника в суде второй инстанции при отсутствии явно выраженного отказа от него²⁸; 4) ведение протокола судебного заседания²⁹; 5) расширение круга лиц, которые имеют право на обжалование не вступившего в законную силу решения суда первой инстанции³⁰.

Следует отметить, что введение апелляционного порядка рассмотрения судебных решений не только для мировых судей, но и для судов других звеньев судебной системы является реализацией положений Концепции судебной реформы 1991 года, которая предусматривала широкое применение апелляционного производства. Этому способствовали также эксперты Совета Европы, которые в своем заключении на проект УПК РФ указывали на необходимость увеличения сферы апелляционного производства.

¹ Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства / под общ. ред. А. В. Смирнова. СПб., 1996. Т. II. С. 512.

² Там же. С. 513–514; Чельцов-Бебутов М. А. Курс уголовно-процессуального права. СПб., 1995. С. 155–156.

³ Черниловский З. М. Всеобщая история государства и права. М., 1996. С. 190; Фойницкий И. Я. Указ. соч. С. 514–520.

⁴ Юшков С. В. Общественно-политический строй и право Киевского государства. М., 1949. С. 522.

⁵ Ивасенко К. В. Основные этапы становления института обжалования и пересмотра решений судов по уголовным делам в российском законодательстве XV–XIX вв. // СПС «КонсультантПлюс».

⁶ Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. М., 1984. Т. 1. Законодательство Древней Руси. С. 304.

⁷ Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. М., 2005. С. 708.

⁸ Куницын А. Историческое изображение древнего судопроизводства в России. СПб., 1843. С. 124.

⁹ Чельцов-Бебутов М. А. Курс советского уголовно-процессуального права. Очерк по истории суда и уголовного процесса рабовладельческих, феодальных и буржуазных государств. М., 1957. Т. 1.

¹⁰ Штамм С. И. Судебник 1497 года. М., 1955. С. 20.

¹¹ Ланге Н. Древнее русское уголовное судопроизводство (XIV, XV, XVI и половины XVII века). СПб., 1884. С. 12, 15, 18, 19, 25, 62.

¹² Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб., 1915. Т. 2. С. 525.

¹³ См.: Ивасенко К. В. Основные этапы становления института обжалования и пересмотра решений судов по уголовным делам в российском законодательстве XV–XIX веков // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁴ Хрестоматия по истории государства и права России / под ред. О. И. Чистякова. М., 2010. С. 45.

¹⁵ Российское законодательство X–XX вв.: в 9 т. М., 1986. Т. 3. С. 290.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Ивасенко К. В. Указ. соч.

¹⁸ Российское законодательство X–XX вв.: в 9 т. М., 1986. Т. 4. С. 423.

¹⁹ Юшков С. В. История государства и права СССР. М., 1961. Ч. 1. С. 343, 346, 371.

²⁰ Латкин В. Н. Учебник истории русского права периода Империи (XVIII и XIX вв.). М., 2004. С. 545, 546.

²¹ Духовской М. В. Русский уголовный процесс. М., 1910. С. 401.

²² Российское законодательство X–XX вв.: в 9 т. М., 1991. Т. 8. Судебная реформа. Ст. 853, 854, 856 УУС.

²³ Концепция судебной реформы в Российской Федерации / сост. С. А. Пашин. М., 1992. С. 52–55.

²⁴ Такое право также не было предусмотрено и иными международно-правовыми документами: Американской конвенцией прав человека 1969 года и Африканской хартией прав человека и народов 1981 года.

²⁵ Комментарий к Конвенции о защите прав человека и основных свобод и практика ее применения. М., 2002. С. 323.

²⁶ См.: Викторский С. И. Русский уголовный процесс: учебное пособие. Городец, 1997. С. 421.

²⁷ В основе данного права лежат решения ЕСПЧ от 26 мая 1988 г. по делу «Эктабани против Швеции», в котором указано, что присутствие в апелляционном суде обязательно для подсудимого (ответчика), если он рассматривает вопросы факта и права одновременно и если он вправе отменить или изменить решение вышестоящего суда, также в решении ЕСПЧ от 23 ноября 1993 г. по делу «Пуатримоль против Франции» отмечается, что «лицо вправе отказаться от права присутствовать в суде, но отказ должен быть однозначным и подлинным». В решении от 8 апреля 2010 г. по жалобе Р. А. Самохвалова

ва ЕСПЧ признал нарушение права осужденного на справедливость судебного разбирательства, поскольку участие осужденного в заседании суда второй инстанции должно быть обеспечено в случае, если от него не поступило явно выраженного отказа от такого участия. По жалобе А. В. Синичкина ЕСПЧ отметил, что непредоставление заявителем ходатайства об участии в суде кассационной инстанции не составляет ясного и недвусмысленного отказа от этого права. Кроме того, реальной реализации этого права в российских судах способствовали решения КС РФ. В частности, Постановление от 10 декабря 1998 г. № 27-П по делу о проверке конституционности ч. 2 ст. 335 УПК РСФСР в связи с жалобой гражданина М. А. Боронина а также определения КС РФ от 15 июля 2010 г. № 1034-О-О по жалобе С. М. Стрелкова и от 8 декабря 2011 г. № 1617-О-О по жалобе В. П. Трутнева.

²⁸ См.: Определение КС РФ от 18 декабря 2003 г. № 497-О по жалобе гражданина А. Р. Резе. В частности, в нем отмечается, что ч. 1 ст. 51 УПК РФ, устанавливая случаи обязательного участия защитника, не содержит каких-либо указаний на то, что ее положения не подлежат применению в стадии кассационного производства, в связи с чем не может быть ограничено право осужденного на помощь адвоката. Кроме того, эта же правовая позиция была выражена в Определении КС РФ от 8 февраля 2007 г. № 251-О-О по жалобе Н. Н. Московца В Постановлении ЕСПЧ от 8 апреля 2010 г. по делу «Шулепов против России» высказывается позиция, в соответствии с которой на суд кассационной инстанции возлагается обязанность назначить осужденному защитника и в тех случаях, когда осужденный не просил об этом, но и не отказывался явным образом от своих прав на защиту.

²⁹ Так, в Определении КС РФ от 20 октября 2005 г. № 383-О по жалобе В. А. Силаева указывается, что ст. 377 УПК РФ не может рассматриваться как освобождающая суд кассационной инстанции от необходимости отражения в принятых им решениях или в протоколе его заседания действий суда и участников судебного заседания, в том числе связанных с исследованием доказательств и имеющих значение для оценки законности и обоснованности кассационного определения. Кроме того, Федеральным законом № 95-ФЗ от 3 мая 2011 г. ст. 377 УПК РФ была дополнена ч. 9, предусматривающей обязательное ведение протокола судебного заседания.

³⁰ Так, в Постановлении от 23 марта 1999 г. № 5-П КС РФ признал не соответствующим Конституции РФ (ст. 46 и 52) ограничение права на судебное обжалование действий и решений, затрагивающих права и законные интересы граждан, на том лишь основании, что эти граждане не были признаны в установленном законом порядке участниками уголовного судопроизводства по уголовному делу. Аналогичная позиция содержится также в Постановлении КС РФ от 27 июля 2000 г. № 11-П и в Определении КС РФ от 22 января 2004 г. № 119-О.

Статья поступила в редакцию 24 июня 2013 г.